

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОАНАЛИЗ: СПЕЦИФИКА КРИТИКИ*

О. А. Власова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 12 мая 2025 г.

Аннотация: рассматриваются основания философской критики психоанализа и особенности его рецепции в национальных традициях и направлениях истории западной философии XX в. Обосновывается тезис о том, что философия развивает критический дискурс психоанализа. При этом критика носит кантианский характер критики оснований и границ и реализуется в двух смыслах: как философская экспертиза психоаналитических концептов и методов; как внутренняя экспертиза собственного концептуального аппарата и методологических установок в свете предложенных психоанализом интерпретаций. Таким образом, благодаря психоанализу философия культивирует собственное самосознание.

Ключевые слова: психоанализ, философская критика, бессознательное, сознание, понимание, объяснение.

Abstract: the article analyzes the foundations of philosophical criticism of psychoanalysis and the peculiarities of its reception in the national traditions and the directions of the history of Western philosophy of the 20th century. The author's thesis is that philosophy develops the critical discourse of psychoanalysis, while criticism has the Kantian character of a critique of foundations and boundaries. The criticism is implemented in two senses: as a philosophical examination of psychoanalytic concepts and methods; as an internal examination of the philosophical conceptual apparatus and methodological guidelines in the light of the interpretations proposed by psychoanalysis. Thus, through psychoanalysis, philosophy cultivates its own self-awareness.

Key words: psychoanalysis, philosophical criticism, unconscious, consciousness, understanding, explanation.

Активная философская рецепция психоанализа происходит в отечественной традиции начиная с 1980–1990-х гг. Существуют философские монографии и учебники по психоанализу, переводы психоаналитиков, сделанные известными философами. Однако в последние 20 лет психоанализ развивается относительно самостоятельно, без пристального интереса со стороны философов [1; 2]. Исключения касаются в основном сравнительных работ по отдельным направлениям и персоналиям. Возможно, причина в недостаточности обобщающих работ динамики отношений философии и психоанализа, а точнее – оснований философского дискурса психоанализа, его философской критики. Настоящая статья ставит своей целью философское прояснение оснований критики и рецепции в междисциплинарном поле философии психоанализа, а также анализ основных векторов основополагающего для этого пространства гносеологического критицизма.

Направленность философского критицизма

В большей степени отношения философии и психоанализа в XX в. можно представить как крити-

ческие. Философия развивает, если можно так сказать, критический дискурс психоанализа. Критику при этом следует понимать (хотя и с некоторыми натяжками) в кантианском смысле.

А. Н. Круглов выделяет следующие особенности кантовской критики [3]: 1) направленность на саму познавательную способность, сам разум; 2) подобие процесса критики судебному процессу, где разум оценивает собственные притязания по своим же законам; 3) принципиальная свобода, неограниченность законами религии, права и морали в силу их собственной обусловленности законами разума; 4) тотальность, повсеместность и обязательность во всех сферах, направленность на общечеловеческий разум; 5) свобода мысли и слова; 6) характер срединного способа мышления, балансирование между догматизмом и скептицизмом. Критика, по мысли Канта, дает разуму осознание своих пределов и границ, своего содержания. Во многом философская критика психоанализа направлена не на психоанализ как таковой, посредством критики психоанализа и его основных концептов и методов, философия обращается к проблемным моментам классической теории субъекта.

Во-первых, критика направлена не только на центральное для психоанализа учение о бессознательном, но и на саму проблему онтологического статуса бессознательного как иного сознания, на

* Работа подготовлена при поддержке Фонда Потанина (Стипендиальная программа для преподавателей магистратуры).

© Власова О. А., 2025

онтологический статус сознания. Конечным результатом философской интерпретации бессознательного в рамках философских направлений оказывается постановка вопроса о пределах сознания, мыслящего «я», генезисе и генеалогии субъекта.

Во-вторых, процесс критики, как и у Канта, подобен судебному процессу, в котором разум и субъект устанавливают собственные границы, ставит вопрос о пределах интерпретации. Вектор «сознание – бессознательное» дает философии субъекта необходимую для различения дистанцию, и получается, что субъект судит не-субъекта (бессознательное) в субъекте.

В-третьих, философская критика психоанализа отличается свободой, не признает авторитета Фрейда, не включена в допустимые рамки психоаналитического движения. Она часто очень жестка, но, тем не менее, в своем резком обличении имеет характер не тотального ниспровержения, но конструктивной интерпретации.

И, в-четвертых, вследствие этого критика психоанализа ведет к срединной стратегии интерпретации. Она часто позволяет противопоставить классическую философию субъекта и иррационализм психоанализа, наметить путь обновления классической метафизики. Так психоанализ становится точкой переосмысления классической традиции для критических направлений философии XX в.

Критика психоанализа становится основанием для развития собственных философских проектов и носит отпечаток основной направленности поиска конкретного философа, а также обращается к проблемным моментам собственного философского пути.

Треугольник критики «онтология – гносеология – антропология»

В центре дискуссий в любом из направлений философской критики психоанализа находится треугольник «онтология – гносеология – антропология». Его противоречивость задается противоречивостью метода Фрейда и его метапсихологического проекта. Не будучи философией как таковой, психоанализ дополняет философскую теорию и проблематизирует ее опорные моменты. Онтология, антропология и гносеология психоанализа строятся вокруг центрального для психоанализа понятия «бессознательное». При этом онтология может быть философски реконструирована только через гносеологию и антропологию, антропология зависима от гносеологии и одновременно онтологична, а гносеология не может быть описана до онтологических и гносеологических проблем.

Онтология разворачивается у Фрейда как онтология человеческого бытия. В. М. Лейбин подчерки-

вает: «Можно, пожалуй, сказать, что Фрейд не столько отворачивается от онтологической проблематики, сколько переносит ее в глубины человеческого существования. (...) ...Осмысление бытия человека в мире осуществляется в психоаналитической философии не в соответствии с традиционными онтологическими представлениями о мироздании, ... а через призму онтологизации самой бытийственности человека, внутренняя организация и структуризация которой заслуживает самого пристального внимания и скрупулезного изучения» [4, с. 102].

Онтологизация человеческого бытия, как описывает это теоретическое смещение Лейбин, выступает основанием продуктивной рецепции психоанализа в экзистенциально и феноменологически ориентированных направлениях философии, где сходятся феноменологическая философия (или фундаментальная онтология Хайдеггера) и психоанализ. Именно на онтологизацию бытия указывает описание психоаналитического прочтения Хайдеггера у Людвиг Бинсвангера, которое сам Бинсвангер характеризует как «продуктивную ошибку». Хайдеггер критикует такой подход, говоря, что совмещение антропологии и онтологии невозможно: «Это происходит из представления об онтологии как о чем-то, что – как солнце – находится вверху, в то время как конкретные предметные области находятся внизу. А затем он собирается постоянно бегать туда-сюда между двумя областями, между верхом и низом. Но в действительности нет никаких “верх” и “низ”, поскольку нет ничего отдельного. Ибо онтологическое различие – вовсе не разделение, а как раз наоборот» [5, с. 281–282]. Однако именно такая конфигурация и в психоанализе, и в экзистенциально-феноменологической психотерапии становится основанием для практики.

Философская критика всегда начинается с проблемы того, чем является бессознательное, и, ставя этот вопрос, концептуализирует его в рамках философской традиции.

Уже англо-американская традиция указывает на проблемность статуса бессознательного. Для Карла Поппера и Людвиг Витгенштейна бессознательное является, прежде всего, неосознаваемым сейчас, но в принципе не отличимым от сознания. Последний напрямую подчеркивает избыточность терминологии психоанализа: по его убеждению, Фрейд мог бы прекрасно обойтись и понятиями сознания, поскольку не открывает никаких «еще не нанесенных на карту регионов души («подводного пласта ментального айсберга»)» [6, р. 27].

Для французской философии этот вопрос не является проблемным, она снимает его, оценивая бессознательное как сознание. Уже Жорж Политцер пишет о том, что бессознательное представляет собой

иную перспективу сознания, перспективу третьего лица. Психоанализ не противостоит психологии и предшествующей традиции, и психология бессознательного, задуманная Фрейдом как революционный прорыв, по Политцеру, есть лишь игра с психологией сознания, продолжение картезианской традиции в психологии, а бессознательное – лишь «реалистический остаток старой психологии» [7]. В феноменологии Сартра и Мерло-Понти такая интерпретация находит свое развитие. «...Всё то, что происходит в сознании, может получить свое объяснение только из самого же сознания» [8, с. 129], – подчеркивает Сартр. Точно такая же трактовка проступает за герменевтикой Рикера, которая оценивает психоанализ как путь сознания к своему прошлому и возрасту своего становления, который сокрыт для самого сознания, но который оно может в себе обнаружить благодаря герменевтическим процедурам [9, с. 268]. Сама герменевтическая стратегия не предполагает осмысления бессознательного как иного как такового, но как раскрытие иного в себе.

В немецкой традиции бессознательное сводится не к сознанию (как у французов-картезианцев), а к глубинному слою бытия. Оно расценивается как тот слой, который может открыться благодаря феноменологической редукции и который разворачивает перед нами пространство скрытых априори: онтологизированных пространства и времени. Это также пространство выбора возможностей, поле бытийной конфигурации существования. Так, онтологизируя бессознательное, философия выводит его проблематику в область метода.

Методология исследования человека: тупик понимания

Уходя от неврологии и переводя психоанализ в область психологической интерпретации, Фрейд заводит разговор о смысле симптома. Эта проблема по-разному предстает в психоаналитической и философской плоскости. Для Фрейда это проблема поиска сокрытого (бессознательного) намерения, тенденции, скрытых связей.

При любой постановке проблемы в области философии исходный пункт – это вопрос источника информации. Можем ли мы объективно судить о бессознательном, кто видит это бессознательное и кто цепляет его структуры: клиент или аналитик? Этот вопрос последовательно поднимается в англо-американской традиции критики как вопрос субъективизма аналитических данных (как у Карла Поппера), вектора интерпретации (пациент/аналитик или аналитик/пациент), он связан с вопросом верификации психоаналитических фактов (как у Адольфа Грюнбаума [10]). Так, психоанализ, по Попперу, не обоснован и метафизичен. «“Клинические наблюде-

ния”... являются *интерпретациями в свете теорий*, и только по этой причине их склонны рассматривать как подтверждение тех теорий, в рамках которых они интерпретируются» [11, с. 247], – подчеркивает он. Сам Поппер называет подобную подмену «Эдиповым эффектом», это своеобразное переворачивание перспективы интерпретации.

Н. С. Автономова связывает коренную проблемность этого момента с тем, что субъект в психоанализе рассматривается как расщепленный. Исходным говорящим субъектом (и источником) является пациент, а психоаналитическая истина трактуется как вытесненная, ставится задача ее открыть и высвободить. Однако в силу расщепленности пациента психоаналитик вынужден придерживаться внешней теоретической опоры, и возникает вопрос, насколько объективны психоаналитические процедуры и насколько верифицируемо психоаналитическое учение. Если англо-американская традиция поднимает вопрос о неустойчивости его метода и теории, континентальная философия избирает герменевтическую стратегию его методологической рецепции. «...По сути своей эта оппозиция восходила к спору “объясняющих” и “понимающих” стратегий, противопоставленных неокантианством в науках о природе и науках о духе» [12, с. 290], – подчеркивает Н. С. Автономова.

Подмена описательного подхода объяснительным – один из пунктов критики психоанализа в немецкой философской традиции, которая продолжает обсуждение важной для немцев проблемы методологии гуманитарных наук. Философы Ясперс и Хайдеггер, а также философски ориентированные психиатры Бинсвангер и Босс признают ошибку Фрейда, и указывают на тот факт, что многообразие человеческого бытия и сознания человека не может быть прояснено в контексте исследования каузальных цепей [13]. Как подчеркивал Ясперс в «Общей психопатологии», «...понимание останавливается перед неприложностью *экзистенции*: того, чем человек является на самом деле. Психоаналитическое озарение – это ложное озарение. Хотя экзистенция и не открыта для психологического понимания, она позволяет последнему ощутить себя, поскольку ставит перед ним границы там, где начинается нечто, обнаруживающее себя именно через окончательность, незавершенность понимания. Психоанализ *не желал видеть* эти границы; *он хотел понять все*» [14, с. 443].

Каузальность психоанализа критикуется во французской традиции за блокирование возможности прояснения смысла, значений, свободы и фундаментального выбора человека. По убеждению Сартра, каузальный взгляд Фрейда подобен каузальному взгляду современной ему психологии, которая расчленяет личность до простых качеств, симптомов и

«тел». Он поступает с человеком так же, как поступают со своими объектами естественные науки. Рикер расценивает подобную подмену как печать революционности метода: «...Новая философия в значительной части пользуется предшествующим языком... В случае с Фрейдом такое расхождение вполне очевидно: его открытие принадлежит плану смысловых действий, а он продолжает концептуализировать их и излагать на языке своих венских и берлинских учителей» [9, с. 259–260]. Так, обсуждая проблему детерминизма, философы-критики стоят в зазоре между полем онтологии и полем гносеологии, поднимая проблему направленности психоаналитического метода, его продуктивности для философии и его границ.

Очевидно, что по отношению к психоанализу философия развивает не проект ассимиляции идей или бесконфликтного их принятия, ее отношения с психоанализом не подобны ее отношениям с психологией или психиатрией (как науками). Философия разрабатывает философскую критику психоанализа, которая реализуется в двух смыслах: как философская экспертиза психоаналитических концептов и методов; как внутренняя экспертиза собственного концептуального аппарата и методологических установок в свете предложенных психоанализом интерпретаций. Таким образом, благодаря психоанализу философия проходит своеобразный круг самосознания, а благодаря обращению к бессознательному обращается к сознанию и проблеме субъекта, ставит онтологические вопросы статуса субъекта, гносеологические проблемы познания и самосознания субъекта.

Санкт-Петербургский государственный университет

Власова О. А., доктор философских наук, профессор
кафедры истории философии

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В. А. О некоторых философских уроках З. Фрейда // Бытие и время психоанализа. М. : МГЛУ, 2000. С. 7–9.
2. Пружинина А. А., Пружинин Б. И. Психоанализ в России – между прошлым и будущим // Бытие и время психоанализа. М. : МГЛУ, 2000. С. 39–42.
3. Круглов А. Н. О понятии критики и о критическом методе у Канта // Философия : журнал Высшей школы экономики. 2023. № 2. С. 225–260.
4. Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М. : Политиздат, 1990. 397 с.
5. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / пер. И. Глухой. Вильнюс : ЕГУ, 2012. 406 с.
6. Bouveresse J. Wittgenstein Reads Freud : the Myth of the Unconscious / transl. C. Cosman. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1995. 168 p.
7. Bianco G. Georges Politzer's «Brilliant Errors» : Concrete Psychology in France (1930–1980) // History of Psychology. 2022. № 2. P. 170–189.
8. Сапир Ж.-П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / пер., предисл., прим. В. И. Колядко. М. : Республика, 2004. 639 с.
9. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. Сергеевой. М. : Медиум, 1995. 629 с.
10. Robinson P. Freud and His Critics. Berkeley : University of California Press, 1993. 282 p.
11. Поннер К. Логика и рост научного знания : (избранные работы). М. : Прогресс, 1983. 605 с.
12. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М. : РОССПЭН, 2008. 704 с.
13. Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. М. : Политиздат, 1985. 175 с.
14. Ясперс К. Общая психопатология / пер. Л. О. Акопяна. М. : Практика, 1997. 1053 с.

Saint-Petersburg State University

Vlasova O. A., DSc in Philosophy, Professor of the
Department of History of Philosophy

E-mail: o.a.vlasova@gmail.com